

КАК МЫ РАБОТАЕМ И ПИШЕМ ВДВОЕМ ВЫМЫШЛЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ЖУРНАЛА «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ»*

ХЕЛЬМУТ ТОМЭ, ХОРСТ КЭХЕЛЕ

Вымышленный собеседник (С): Доктор Хельмут Томе, вы заслуженный профессор психотерапии факультета психотерапии Ульмского университета. Вы ведь больше двадцати лет занимались эмпирическими исследованиями в психоанализе, не так ли?

Х.Т. Совершенно верно. Я признателен журналу за возможность рассказать о работе, которая привела нас к совместному написанию психоаналитического учебника-двухтомника.

С. Да, именно учебник и послужил поводом для нашей сегодняшней беседы. Но обсудим его чуть позже – хочу, чтобы читатели сперва узнали Вас как аналитика и человека.

Х.Т. Я закончил медицинское отделение в 1945 году, и, стало быть, принадлежу к первому послевоенному поколению немецких психоаналитиков. Мое постепенное вращение в Международную психоаналитическую ассоциацию (IPA) – обретение истинной родословной, так сказать, – было чисто случайным. Мой первый аналитик, д-р Шоттлендер из Штутгарта, учился в двадцатые годы в Вене и, насколько я знаю, был единственным членом IPA в Западной Германии после войны. В 1946 году я обратился к нему по личному поводу и в ходе весьма краткого аналитического курса присоединился к его исследовательской группе. Но мне и присниться не могло, что благодаря пройденному у него курсу я стану в 1957 году членом Немецкой психоаналитической ассоциации. После штутгартской резидентуры я устроился в Психосоматическую больницу Гейдельбергского университета, основанную в 1960 году. Она превратилась в интеллектуальный очаг, обогревший многих первых послевоенных аналитиков.

* Перевод выполнен Инфо-центром психотерапевтических исследований (Москва) по изданию: *Horst Kaechele and Helmut Tomae. On working and writing together. A fictions interview on behalf of International Psychoanalysis // 1993, Summer issue.*

С. И как раз там Рокфеллеровский фонд помог Митшерлиху водворить психоанализ на медицинский факультет – пускай через черный психосоматический ход?

Х.Т. Ну да. «Вот тот самый случай, когда один – в поле воин», как сказал как-то Эрик Эриксон про Александра Митшерлиха и немецкий психоанализ. Он рекомендовал меня на Фулбрайтовскую стипендию в Йельском психиатрическом институте в 1955-56 учебном году. А решающей оказалась лондонская стажировка в 1962-63 учебном году, со стипендией от Объединенного Американского фонда психиатрических исследований...

С. В каком смысле?

Х.К. В том смысле, стать или не стать Хельмуту Томе преданным служителем психоанализа.

С. Ах, да, мы забыли вас представить. Д-р Хорст Кэхеле, вы декан факультета психотерапии, работаете на факультете с 1970 года. Как же так вышло – ведь в Германии деканами почти никогда не становятся факультетские сотрудники?

Х.К. Что ж, ведь и сны сбываются. Есть исключения: когда д-р Томе собрался уходить, коллеги в Германии, да и за рубежом, единодушно решили – в интересах университета поступить так, чтобы Ульм остался тем центром психоаналитических исследований, каким он был на протяжении многих лет.

Х.Т. Давайте вернемся к исследованиям, которые невозможно представить без д-ра Кэхеле. Идея Балинта изучать вклад аналитика в терапевтический процесс привела меня к разработке темы валидации с Антоном Хоубеном в Гейдельберге.

Х.К. Я в телепатию не верю – но забавно: Хоубен был моим первым аналитиком, вскоре после его переезда в Мюнхен. Я тогда писал диссертацию по медицине, и меня очень вдохновил стиль книги Хельмута Томе об анорексии. Рецензентка Хильде Брух тогда бранилась, что это не одна книжка, а три. В начале 1967 года я написал ему первое восторженное письмо и сообщил, что хотел бы работать в Гейдельберге под его началом, – и он отнесся к этому со вниманием. Потом я узнал, что у него открылась возможность стать деканом факультета психиатрии в недавно основанном Ульмском университете.

С. А почему вы решили ему написать? На какую тему была ваша диссертация?

Х.К. Я собирался писать о понятии психогенной смерти в медицинской литературе. Это было чисто теоретическое изучение моделей сознания, которыми пользовались авторы, касавшиеся этого явления.

С. То есть у вас с Томе был общий интерес модели сознания?

Х.Т. В Швабии, откуда мы оба родом, гордо говорят «Schiller und Hegel, das ist bei uns die Regel» (в том смысле, что больших поэтов и философов нам не занимать). Эдакая идея величия. Как бы там ни было, нас с Кэхеле тянет теоретизировать – и так мы написали первую совмест-

ную статью в 1973 году. Потом мы начали разработку, и мегаломания наша несколько поутихла.

Х.К. Раз уж эта беседа вращается вокруг нашей совместной работы, стоит напомнить, что Томе предложил мне ассистентское место сразу после выпускных экзаменов на медицинском факультете, – просто молодому человеку, которого психоаналитическое образование еще только ожидало. Так что я бы сказал – юный задор, с каким я пустился в исследование аналитического процесса, стал дополнением к огромному клиническому опыту и обширной теоретической подготовке Томе. И вот, в 1970 году Томе получил грант от Исследовательского фонда Германии для изучения магнитофонных записей аналитических сеансов.

Х.Т. На Рождество я в шутку подарил Хорсту Кехеле электрическую открывалку – пусть, мол, учится на этом приспособлении, а потом уже берется за магнитофон.

С. Как же вы стали писать вместе?

Х.Т. Первая работа превратилась в образец, который мы не раз потом воспроизводили с соответствующими вариациями. Сила нашего тандема была во взаимной открытости; мы вмешивались в работу друг друга, критиковали, меняли формулировки и переписывали, переписывали, переписывали. Совместное писание было частью совместной работы, и мы старались соответствовать высказыванию Роберта Хольта: «Способности к сотрудничеству выказываются лишь зрелыми личностями, способными к подчинению личных конкурентных амбиций запросам интеллектуальной проблемы».

Х.К. Предпочитаю художественный взгляд на вещи – мне казалось, что мы выступаем в роли одиноких охотников (как у Карсон Маккалерс в «Сердце – одинокий охотник»). Томе стал записывать сеансы в 1967 году, и это был большой прорыв: родился новый метод исследования, до той поры немецкими психоаналитиками отвергавшийся. Но среди аналитиков нашлись и единомышленники – упомянуть хотя бы Мертона Гилла, Лестера Люборски, Хартвига Даля и Ханса Штруппа. Не быть конформистом – для меня это основная предпосылка любого творческого начинания, а таковое всегда сопряжено с возможными неудачами. Однако планеты благоволили к Ульму в годы пребывания там Томе – одного из главных представителей основного течения в немецком послевоенном психоанализе – особенно в период его деятельного и дальновидного президентства в Психоаналитической ассоциации Германии (1968-1972).

С. Был ли он удостоен титула «Мистер-Психоаналитик – Германия», подобно Кохуту, когда тот был президентом Американской ассоциации?

Х.К. Не совсем – хотя позже он разделил судьбу Кохута в другом отношении: для основателя школы он оказался слишком самокритичным. Но он оставался директором основанного им Ульмского психоаналитического института, пока я не сменил его и на этом посту. Вот эти обстоятельства и дали возможность для эксперимента. Где еще мне бы удалось записать на магнитофон два учебных курса?

С. Что вы ощутили, впервые записав сеанс на ленту?

Х.Т. Было очень тревожно – страшно подвергнуться критике со стороны представителей самого психоанализа. Не знаю даже, откуда слышалось большинство недовольных голосов – от внешних или внутренних «плохих объектов». Так или иначе, работа, которую делал Кэхеле, была очень полезной – сперва она развеяла мои иллюзии относительно качества моей вербальной продукции – всех этих моих фальстартов, ломки и переделывания уже начатых фраз – зато потом помогла мне уяснить мои собственные психоаналитические позиции. Исследователи психоанализа неустанно требуют свежих эмпирических данных, а магнитофонные записи – очень удобный способ обмена профессиональным опытом (в некоторых отношениях он даже лучше работы с супервизором или семинарских разборов). Конечно, может случиться и так, что, прочтя ваши расшифровки, коллега сочтет вас неважным аналитиком.

Х.К. А я бы в ответ просто попросил такого коллегу самого провести сеанс и представить свои расшифровки. Все дело именно в магнитофоне – ведь он дает возможность детально разобраться в ощущениях и ходе мыслей другого аналитика и иной раз поставить под сомнение дотоле непререкаемый авторитет.

С. Вы наглядно демонстрируете это во втором томе вашего учебника, приводя множество отрывков из расшифровок ваших сеансов. Вообще, в вашем стиле удачно сочетаются теория, клинические данные и формальное исследование.

Х.Т. Вот вам пример того, насколько полезным бывало наше сотрудничество. К 1967 году я лично убедился, что наука психоанализа не может ограничиваться историями болезни и тому подобными вещами. А Кэхеле сумел подхватить эту идею – он управился с целым ворохом имевшихся эмпирических данных при помощи «Handbook of Psychotherapy and Behavior Change». Глава, написанная Лестером Люборски, была посвящена психоаналитической терапии и помогла нам выделить первоочередные проблемы.

С. То есть, можно сказать, что вы удачно дополняли друг друга.

Х.К. Вот именно – дополняли. Не то что наше сотрудничество было безоблачным, – при любой совместной работе видишь недостатки партнера, – но оно всегда было творческим.

С. А как смотрят на него другие?

Х.К. С завистью, вероятно.

Х.Т. Два десятка лет разницы в возрасте – конечно, они заставляли сторонних наблюдателей и тех аналитиков, кто считает зависть более мощным побудителем, нежели благодарность (намек на знаменитую работу Мелани Кляйн «Зависть и благодарность» – «Envy and Gratitude». – *Прим. ред.*), ожидать кризисов и, в конечном счете, сепарации. Нередко «добрые друзья» объясняли младшему из нас, что пришла пора расстаться со старшим, – как будто долговременное сотрудничество было само по

себе патологией.

С. Почему же вы не прислушались?

Х.К. Непосвященные не могли знать, что главным для Томе было оставлять в нашем рабочем альянсе пространство для развития; он щедро делился факультетскими возможностями и ресурсами с исследовательским центром. А что касается авторства – мы начали разделять сферы специализации, когда я созрел (то есть был близок к тому, чтобы самому уже стать профессором). Вот тогда-то я и собрал исследовательскую группу по компьютеризованному текстовому анализу, ныне известную как Ульмский банк текстов, которая и послужила базой данных для наших многочисленных исследований психоаналитического процесса. Это видно и по нашим библиографиям – в них, кстати, много и индивидуальных работ.

С. Не могли бы вы поделиться с читателями секретом совместной работы?

Х.Т. Общие интересы. К примеру, чтобы превратить исследования психоанализа в фундаментальную дисциплину, необходима общность профессиональных убеждений – а не биографических подробностей. Если уж углубляться в вопрос, сказал бы, что творческая встреча двух ученых разных поколений ведет к плодотворному общению, если Лай и Эдип вдруг поймут, что схватки между ними не должны обязательно заканчиваться смертельным исходом. Мы смогли продолжать совместную работу так долго, ибо были терпимы к взаимной критике. Стремление к индивидуальному авторству уступало место чувству общей ответственности, и это только помогало каждому утвердиться в своих взглядах на будущее психоанализа.

С. Может быть, совместное заявление под конец?

Х.Т. и **Х.К.** Ну, такой сказочный конец – и жили долго и счастливо и т.д. – нет, не получится. Мы говорим разными голосами, и знаем, что наша кооперативная диада не вечна, что она не поддается имитации или дублированию, говоря по-научному. В конце концов, психоанализ как метод зависит от человека. Так что наша диада обречена на развод. Но все-таки хотелось бы послужить одной из возможных моделей сотрудничества – и не только сотрудничества поколений. Мы полагаем, что только сотрудничество дополняющих друг друга аналитиков, работающих заодно с представителями других дисциплин, обеспечит психоанализу творческое и плодотворное будущее в эпоху, начало которой положили бессмертные работы Фрейда. Именно такие группы помогут приблизиться к его утопии «психоаналитического университета». Итак, наш голос – в пользу решительных преобразований, которые бы заложили основы для предложенной нами рабочей модели.

С. Спасибо. Желаю вам долгих лет дальнейшего сотрудничества. Полагаю, что многочисленные переводы вашего учебника помогут вам оставаться рядом.